

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ОТДЕЛЬНОЙ ГЛАВЫ III.2 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 266-ФЗ ACTUAL PROBLEMS OF EFFECTIVE APPLICATION OF BANKRUPTCY LEGISLATION IN THE CONTEXT OF A SEPARATE CHAPTER III.2 OF FEDERAL LAW NO. 266-FZ

МАЛЛАЕВА Зарема Алиевна,

старший преподаватель кафедры «Гражданское право»
ГАОУ ВПО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства».
367008, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Атаева, 5.
E-mail: Nab1983@inbox.ru;

MALLAEVA Zarema Alievna,

Art. prep. of the Department of "Civil Law" Dagestan State University of National Economy.
367008, Republic of Dagestan, Makhachkala, Ataeva str., 5.
E-mail: Nab1983@inbox.ru

Краткая аннотация. Рассматривается один из этапов реформы законодательства, Федеральный закон № 266-ФЗ как один из основных этапов реформы, направленной на ужесточение субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника. Анализируется введенная в закон отдельная глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», в которой теперь содержатся нормы о привлечении к субсидиарной ответственности, а также ключевой для данного института термин контролирующего лица, ранее содержащийся в старой редакции статьи 2 Закона о банкротстве. Законодательство и судебная практика в сфере банкротства находятся в постоянном движении и пытаются найти разумный баланс интересов сторон. Эта динамика во многом питается судебными спорами в области банкротства. Автор в статье нацелен на детальный разбор данной проблематики, выявление сложных и неоднозначных вопросов, поиск их решений и выработку рекомендаций в отношении более эффективного применения норм законодательства о банкротстве. Делаются выводы о том, что банкротные споры обостряют все основные вопросы и проблемы банкротного права. От юриста, вовлеченного в сопровождение банкротных споров, требуется отличное значение динамично изменяющегося законодательства, судебной практики и постоянного совершенствования практических навыков литигации.

Abstract. One of the stages of legislative reform, Federal Law No. 266-FZ, is considered as one of the main stages of the reform aimed at tightening the subsidiary liability of persons controlling the debtor. A separate chapter III introduced into the law is analyzed. "Responsibility of the head of the debtor and other persons in the bankruptcy case", which now contains the rules on bringing to subsidiary liability, as well as the key term for this institution of the controlling person, previously contained in the old version of article 2 of the Bankruptcy Law. Legislation and judicial practice in the field of bankruptcy are in constant motion and are trying to find a reasonable balance of interests of the parties. This dynamic is largely fueled by bankruptcy litigation. The author of the article aims at a detailed analysis of this problem, identification of complex and ambiguous issues, search for their solutions and development of recommendations for more effective application of bankruptcy legislation. Conclusions are drawn that bankruptcy disputes aggravate all the main issues and problems of bankruptcy law. A lawyer involved in the support of bankruptcy disputes requires an excellent value of dynamically changing legislation, judicial practice and continuous improvement of practical skills of litigation.

Ключевые слова: Объективное банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, должник, кредитор, юридически значимые обстоятельства.

Keywords: Objective bankruptcy, subsidiary liability, controlling person, debtor, creditor, legally significant circumstances.

Для цитирования: Маллаева З.А. Актуальные проблемы эффективного применения норм законодательства о банкротстве в контексте отдельной главы III.2 Федерального закона № 266-ФЗ // Аграрное и земельное право. 2022. № 12(216). С. 120-123. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_120.

For citation: Mallaeva Z.A. Actual problems of effective application of bankruptcy legislation in the context of a separate Chapter III.2 of Federal Law No. 266-FZ // Agrarian and Land Law. 2022. No. 12(216). pp. 120-123. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_120.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2022

Институт субсидиарной ответственности единоличного исполнительного органа должника является одним из действенных правовых инструментов защиты законных прав и интересов кредиторов и самого должника в рамках российской правовой системы [9, с. 105]. В связи с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – «Федеральный закон № 266-ФЗ») статья 10 «Ответственность должника и иных лиц в деле о банкротстве» Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – «Закон о банкротстве») утратила свою силу. Федеральный закон № 266-ФЗ [2] стал одним из основных этапов реформы, направленной на ужесточение субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника. В закон введена отдельная глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», в которой теперь содержатся нормы о привлечении к субсидиарной ответственности, а также ключевой для данного института термин контролирующего лица, ранее содержащийся в старой редакции статьи 2 Закона о банкротстве.

Приняв вышеозначенную главу, законодатель сохранил основной смысл данного понятия, т.е. контролирующим лицом, как и ранее, по общему правилу признается лицо, которое может давать обязательные для исполнения должником указания или имеет возможность иным образом определять действия должника, тем не менее, существенно изменил его, по сути, усилив субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц.

Одной из ключевых особенностей новой главы Закона о банкротстве стала возможность признать лицо контролирующим по основа-

ниям, отличным от тех, которые прямо предусмотрены в Законе о банкротстве (п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Одно из первых толкований данной нормы было отражено в письме ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» [4]. Так, по мнению налогового органа свидетельствовать о контроле над должником могут: любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-розыскными мероприятиями; совместное проживание (в том числе состояние в так называемом гражданском браке); длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба); совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т.п.

Аналитическая школа юриспруденции считает, что закон – это совокупность предписаний, издаваемых суверенной властью. Аналитические позитивисты считают законодательство единственным истинным источником права и не одобряют того, что судебная власть берет на себя законодательные функции [12, с. 21]. В настоящий момент с учетом длительности применения вышеуказанной нормы, можно констатировать, что она активно применяется судами при рассмотрении споров о привлечении к субсидиарной ответственности. Так, например, в различных делах для целей определения контроля над должником судами признавались юридически значимыми обстоятельства длительного знакомства, обучения в одном учебном учреждении (см., например, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.05.2018 № Ф03-1932/2018 по делу № А73-3672/2016).

Кроме того, в процессе применения п.5 ст. 61.10 Закона о банкротстве судами была выработана целая система критериев, на основании которых, можно сделать вывод о наличии признака контроля над должником (см., например, Определение ВС РФ от 15.02.2018 № 302-ЭС14-1472(4,5,7) по делу № А33-1677/2013 [5], Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2022 № Ф05-20517/2020 по делу № А40-273454/2019, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2021 № 07АП-12771/2020(6), 07АП12771/2020(7) по делу № А67-12786/2018): действия названных субъектов синхронны при отсутствии к тому объективных экономических причин; действия противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу, и т. д.

С учетом такого достаточно разнообразного применения судами п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве, данный вопрос не мог не стать предметом разъяснений со стороны Верховного Суда РФ.

Так, Верховным Судом РФ в абз. 4 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» было разъяснено, что лицо не может быть признано контролирующим должника только на том основании, что оно состояло в отношениях родства или свойства с членами органов должника, либо ему были переданы полномочия на совершение от имени должника отдельных ординарных сделок, в том числе в рамках обычной хозяйственной деятельности, либо оно замещало должности главного бухгалтера, финансового директора должника.

То есть, данные лица, могут быть признаны контролирующими должника лицами на общих основаниях, в том числе с использованием предусмотренных законодательством о банкротстве презумпций, в том числе презумпции контроля: при наличии оснований, указанных в Законе о банкротстве, пока не доказано иное, предполагается, что лицо являлось контролирующим должника.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что данная новелла законодателя существенно расширила круг лиц, которые потенциально могут быть привлечены к субсидиарной ответственности. И, хотя, с одной стороны, это позитивно влияет на защиту прав кредиторов должника, на наш взгляд п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве нуждается хотя бы в примерных критериях, определяющих потенциальный круг лиц, контролирующих должника, поскольку в противном случае суды наделяются, по сути, экстраординарными полномочиями по признанию тех или иных лиц контролирующими должника.

Другой крайне важной особенностью реформы субсидиарной ответственности является изменение подхода к определению сроков, в течение которых лицо может быть признано судом контролирующим должника.

Если старая редакция статьи 2 Закона о банкротстве признавала таковыми лиц, имеющих либо имевших в течение менее трех лет до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или иным образом определять действия должника, то после введения в действие п. 1 ст. 61.10 главы III.2 Закона о банкротстве контролирующими должника лицами признаются физические или юридические лица, имеющие либо имевшие право не более чем за три года, предшествующие возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по определению сделок и определению их условий.

Таким образом, если раньше вопрос об определении круга лиц, контролирующих должника, был формально привязан к дате принятия судом заявления о признании должника банкротом, то после реформирования законодательства о субсидиарной ответственности важное значение стало играть определение периода возникновения у должника признаков объективного банкротства.

Впервые понятие объективного банкротства было сформировано Верховным Судом РФ в Определении от 20 июля 2017 г. № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015, в котором объективное банкротство определялось как критический момент, когда должник из-за снижения стоимости чистых активов утратил способность удовлетворить требования кредиторов в полном объеме.

При этом, после формирования Верховным Судом РФ данной позиции арбитражные суды вначале исходили из того, что признаки объективного банкротства могут быть рассчитаны на основании превышения обязательств должника над его чистыми активами на основании бухгалтерской отчетности должника (см., например, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.09.2020 № Ф01-12508/2020 по делу

№ А29-7141/2016 [6], Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.12.2021 № Ф05-15691/2016 по делу № А41-1022/2016 [8].

Однако, впоследствии общепринятым подходом судов по определению признаков объективного банкротства стал подход, согласно которому для определения признаков объективного банкротства необходимо установить превышение обязательств должника над рыночной стоимостью его активов, которая на практике определяется путем проведения судебной оценочной экспертизы (см., например, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.08.2022 № Ф06-20366/2022 по делу № А57-5601/2019 [10], Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.03.2021 № Ф09-394/18 по делу № А60-25113/2017).

Более того, со временем арбитражные суды стали вырабатывать еще более определенные критерии того, насколько сильно обязательства должника должны превышать рыночную стоимость его чистых активов. Так Судами в настоящий момент выработан правовой подход, согласно которому обязательства должника должны превышать рыночную стоимость его чистых активов более чем на 30 %, после чего можно констатировать наличие у должника признаков объективного банкротства (см., например, Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 5 сентября 2022 г. по делу № А48-1256/2014) [11].

Нововведением Федерального закона № 266-ФЗ также является норма ст. 61.13 Закона о банкротстве, согласно которой, если заявление подано должником в арбитражный суд при наличии у должника возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме, либо должник не принял меры по оспариванию необоснованных требований заявителя или предъявленных кредиторами требований в деле о банкротстве, должник, руководитель должника и иные контролирующие должника лица несут перед кредиторами ответственность за убытки, причиненные возбуждением производства по делу о банкротстве или необоснованным признанием или не оспариванием требований кредиторов.

При этом как показала пятилетняя практика применения этой нормы, лишь в крайне малом количестве случаев удается привлечь контролирующих должника лиц к убыткам по данному составу. Это происходит потому, что крайне сложно доказать наличие у должника возможности удовлетворить требования кредиторов или доказать то, что он не принял все меры по оспариванию необоснованных требований.

Вышеуказанный тезис прямо подтверждается соответствующей судебной практикой. Так, по данным системы «Консультант+» за 2017-2022 годы база данных судов апелляционной и кассационной инстанций арбитражных судов содержит сведения лишь о 17 обособленных спорах, возбужденных по основанию ст. 61.13 Закона о банкротстве, лишь несколько из которых были успешными (один из немногих примеров успешного привлечения к ответственности по данному основанию содержится в Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.08.2019 № 18АП-8829/2019 по делу № А0716224/2016).

Таким образом, из проанализированных нами положений гл. III.2 Закона о банкротстве следует, что институт привлечения к субсидиарной ответственности претерпел существенные изменения: были увеличены сроки для признания лиц контролирующими должника, расширены критерии признания контроля над должником, а также введены новые механизмы привлечения лиц к субсидиарной ответственности.

Данные новеллы не могли не сказаться на статистике по случаям привлечения лиц к субсидиарной ответственности.

Так, по данным Интернет-ресурса «Федресурс»[2] количество удовлетворенных судами заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности значительно увеличилось после вступления в силу Федерального закона № 266-ФЗ.

За 2016-ый год количество удовлетворенных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности составляло лишь 16%, в то время как за 2017-ый – 22%, 2018-ый – 38%, 2019 – 41%, 2020 – 39%, 2021 – 46%.

Количество привлеченных к ответственности контролирующих должника лиц также значительно выросло. Если в 2016-м году к ответственности были привлечены лишь 506 человек, что характеризовало привлечение к субсидиарной ответственности как экстраординарную меру, то в последующие годы к субсидиарной ответственности было привлечено значительно больше лиц: 2017 – 923 чел., 2018 – 2125 чел., 2019 – 3401 чел., 2020 – 3191 чел., 2021 – 3520 чел.

Подводя итоги вышесказанному, можно прийти к однозначному выводу о том, что Федеральный закон № 266-ФЗ как часть реформы субсидиарной ответственности носит явно про-кредиторский характер.

Субъекты гражданско-правовых отношений выступают в качестве носителей, предусмотренных законом прав и обязанностей только при наличии оснований [3, с. 10]. Наиболее удачным следует признать введение нормы п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве, позволяющей определять круг лиц, контролирующих должника не с формальной точки в течение трех лет с даты принятия арбитражным судом заявления о банкротстве должника, а с даты возникновения признаков банкротства должника. Применение данного подхода на наш взгляд способствует справедливому определению круга лиц, контролирующих должника исключая формализм предыдущей редакции данного термина.

Функционирование общественных отношений возможно только в правовой форме. Базирование общественных отношений на соответствующих нормах права и есть самая адекватная форма экономических отношений [7, с. 6]. Вместе с тем, новелла п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве получилась на наш взгляд не столь удачной. Данный пункт нуждается хотя бы в примерных критериях, определяющих потенциальный круг лиц, контролирующих должника, поскольку в противном случае суды наделяются, по сути, экстраординарными полномочиями по признанию тех или иных лиц контролирующими должника.

Наименее успешной нормой из анализируемой реформы субсидиарной ответственности следует признать норму ст. 61.13 Закона о банкротстве об ответственности контролирующих должника лиц за фиктивное банкротство Должника. Как показала пятилетняя практика применения данной нормы, чрезмерный и сложный предмет доказывания по данной норме для кредиторов сделал ее практически нерабочим инструментом для кредиторов. Полагаем, что ситуация может быть изменена в лучшую для кредиторов сторону, если в ст. 61.13 Закона о банкротстве будет введена презумпция того, что именно контролирующие должника лица должны доказать невозможность должника удовлетворить требо-

вания всех кредиторов, а кредиторы-заявители по подобным обособленным спорам будут освобождены от доказывания.

Библиография:

1. Банкротство в России: итоги 2021 года. Статистический релиз Федресурса // <https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2>
2. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. N 266-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" <https://base.garant.ru/71732880/>
3. Мусалов, М. А. К проблемам определения правосубъектности лица в гражданском и финансовом праве: сравнительно-правовой аспект / М. А. Мусалов, Г. Б. Магомедов // *Аграрное и земельное право*. – 2021. – № 7(199). – С. 10-14. – DOI 10.47643/1815-1329_2021_7_10. – EDN LIUNKA.
4. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ | ГАРАНТ ([garant.ru](https://base.garant.ru/185181/)) <https://base.garant.ru/185181/>
5. ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О П Р Е Д Е Л Е Н И Е № 309-ЭС17-1801 г. Москва Дело № А50-5458/2015 20 июля 2017 г. https://www.vsrfl.ru/stor_pdf_ec.php?id=1562488
6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.09.2020 N Ф01-12508/20 по делу N А29-7141/2016 | ГАРАНТ ([garant.ru](https://base.garant.ru/39705531/)) <https://base.garant.ru/39705531/>
7. Мусалов, М. А. Государственно-правовое регулирование экономики / М. А. Мусалов // *Право и государство: теория и практика*. – 2021. – № 3(195). – С. 6-8. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_3_6. – EDN CYHEKM.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.12.2021 N Ф05-15691/16 по делу N А41-1022/2016 | ГАРАНТ ([garant.ru](https://base.garant.ru/69199956/)) <https://base.garant.ru/69199956/>
9. Мусалов, М. А. К вопросу субсидиарной и солидарной ответственности по российскому законодательству / М. А. Мусалов, Ш. М. Рашидов // *Право и государство: теория и практика*. – 2021. – № 4(196). – С. 104-107. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_4_104. – EDN BBRVRC.
10. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.08.2022 N Ф06-20366/22 по делу N А57-5601/2019 | ГАРАНТ ([garant.ru](https://base.garant.ru/39366557/)) <https://base.garant.ru/39366557/>
11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 05.09.2022 N Ф10-4209/14 по делу N А48-1256/2014 | ГАРАНТ ([garant.ru](https://base.garant.ru/40277573/)) <https://base.garant.ru/40277573/>
12. Мусалов, М. А. Закон и право. Источники права / М. А. Мусалов // *Аграрное и земельное право*. – 2021. – № 2(194). – С. 20-23. – DOI 10.47643/1815-1329_2021_2_20. – EDN ZYDDYA.

References:

1. Bankruptcy in Russia: results of 2021. Statistical release of the Fedresource // <https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2>
2. Federal Law No. 266-FZ of July 29, 2017 "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" <https://base.garant.ru/71732880/>
3. Musalov, M. A. To the problems of determining the legal personality of a person in civil and financial law: a comparative legal aspect / M. A. Musalov, G. B. Magomedov // *Agrarian and land law*. – 2021. – № 7(199). – Pp. 10-14. – DOI 10.47643/1815-1329_2021_7_10. – EDN LIUNKA.
4. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 N 127-FZ | GUARANTOR ([garant.ru](https://base.garant.ru/185181/)) <https://base.garant.ru/185181/>
5. The SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION On P R E D E L E N I E No. 309-ES17-1801 Moscow Case No. A50-5458/2015 July 20, 2017 https://www.vsrfl.ru/stor_pdf_ec.php?id=1562488
6. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 04.09.2020 N F01-12508/20 in case N A29-7141/2016 | GUARANTOR ([garant.ru](https://base.garant.ru/39705531/)) <https://base.garant.ru/39705531/>
7. Musalov, M. A. State-legal regulation of the economy / M. A. Musalov // *Law and the state: theory and practice*. – 2021. – № 3(195). – Pp. 6-8. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_3_6. – EDN CYHEKM.
8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 12/14/2021 N F05-15691/16 in the case N A41-1022/2016 | GARANT ([garant.ru](https://base.garant.ru/69199956/)) <https://base.garant.ru/69199956/>
9. Musalov, M. A. On the issue of subsidiary and joint liability under Russian legislation / M. A. Musalov, Sh. M. Rashidov // *Law and the State: theory and practice*. – 2021. – № 4(196). – Pp. 104-107. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_4_104. – EDN BBRVRC.
10. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 23.08.2022 N F06-20366/22 in case N A57-5601/2019 | GUARANTOR ([garant.ru](https://base.garant.ru/39366557/)) <https://base.garant.ru/39366557/>
11. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of 05.09.2022 N F10-4209/14 in case N A48-1256/2014 | GUARANTOR ([garant.ru](https://base.garant.ru/40277573/)) <https://base.garant.ru/40277573/>
12. Musalov, M. A. Law and Law. Sources of law / M. A. Musalov // *Agrarian and land law*. – 2021. – № 2(194). – Pp. 20-23. – DOI 10.47643/1815-1329_2021_2_20. – EDN ZYDDYA.